

Мария Белкина

Мария Белкина

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ

ПОПЫТКА ЦВЕТАЕВОЙ. ПОПЫТКА ДЕТЕЙ ЕЕ.
ПОПЫТКА ВРЕМЕНИ, ЛЮДЕЙ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.
ВСТРЕЧИ И НЕВСТРЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-94:930.85
ББК 82(2Рос=Рус)6-4+83.3(2Рос=Рус)6-7*63.3
Б43

Художник Андрей Рыбаков

В книге использованы фотографии из архива
ГБУК г. Москвы «Дом-музей Марины Цветаевой»
и из личного архива Д.А.Тарасенкова

Предисловие Натальи Громовой

Белкина, Мария Иосифовна.

Б43 Скрещение судеб : Попытка Цветаевой. Попытка детей ее. Попытка времени, людей, обстоятельств. Встречи и не-встречи / М.И.Белкина; предисл. Н.А.Громовой. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 717, [3] с., ил. — (Литературные биографии).

ISBN 978-5-17-082302-4

Мария Белкина познакомилась с Мариной Ивановной Цветаевой, вернувшейся из эмиграции, в 1940 году. Цветаева с сыном Муром были частыми гостями Марии Белкиной и ее мужа Анатолия Тарасенкова, известного критика и библиофила. Именно в их доме она хранила свой архив в страшное время. Спустя годы к Марии Белкиной пришла и Ариадна Эфрон — из их бесед, воспоминаний, разбора архивов при создании посмертного сборника Цветаевой и родилась эта книга.

УДК 821.161.1-94:930.85

ББК 82(2Рос=Рус)6-4+83.3(2Рос=Рус)6-7*63.3

ISBN 978-5-17-082302-4

© Белкина М.И., наследник, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Наталья Громова. Вместо предисловия</i>	7
От автора	13
 МАРИНА ИВАНОВНА	
Никогда рядом	21
Расстояния, версты, мили	41
Где спят овечьи тайной особняки	67
Болшевское заточение	85
По докладной секретаря	134
Безмерность в мире мер	179
В комнате Зоологического музея	236
Перед лицом стылого окна	274
Меня все меньше	328
Гляжу и вижу одно: конец	384
 МУР	 451
 АЛИНЫ УНИВЕРСИТЕТЫ	 521
 Указатель имен	 708

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Скрещение судеб — ведущий мотив романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго»: на фоне войн и всеобщих бедствий герои встречаются, расстаются, теряются и вновь сталкиваются. Пастернак писал, что так хотела земля под их ногами и небо над их головами... К подобным скрещениям героев недоверчиво отнеслись современники поэта, Набоков желчно иронизировал над частыми совпадениями в «Докторе Живаго». Но жизнь — самый великий автор. И это хорошо знала Мария Белкина, назвавшая свою книгу о Цветаевой «Скрещение судеб».

На первых же страницах книги перед нами подобное скрещение судеб — своего рода ключ к последующему повествованию.

Начало 1940 года. Зима. Поздним вечером у памятника Тимирязеву у Никитских ворот случайно встречаются Борис Пастернак, критик Анатолий Тарасенков и будущий автор книги — Мария Белкина. После нескольких незначущих фраз поэт сообщает Тарасенкову, что в Москву инкогнито приехала Марина Цветаева. Он предлагает им познакомиться. Для Тарасенкова, собиравшего по крупицам ее стихи, поэмы, прозу, — это огромное потрясение. Затем они обсуждают трагиче-

ские события последних дней. Арест Мейерхольда, жестокое убийство его жены, актрисы Зинаиды Райх, в собственной квартире. Мария Белкина здесь пока только слушатель, свидетель. Она недавно вышла замуж за Тарасенкова, Пастернака знает только по отдельным публикациям, о Цветаевой тоже слышала крайне мало. Но она чувствует, что присутствует при важном событии. Она запишет этот разговор, с него начнутся долгие, длиною во всю ее жизнь, отношения с Цветаевой. Мария Белкина запишет, что ответила тогда Пастернаку, что слышала, будто бы напали на след убийцы; была арестована домработница Мейерхольдов... Спустя годы, в разговоре с Ариадной Эфрон (они подружились после возвращения Ариадны из Туруханской ссылки), Белкина вспомнит о том, как впервые услышала от Пастернака о появлении Цветаевой в СССР, как они обсуждали смерть Зинаиды Райх, — и неожиданно Ариадна ответит ей, что именно в этот момент, когда эти трое стояли у Никитских ворот, в камеру на Лубянке, где она сидела, втокнули домработницу Мейерхольдов. Как она в ужасе рассказывала об изувеченном теле Зинаиды Райх, как не могла понять, что от нее хотят следователи. Этот сюжет выглядит как картина из фильма. И Мария Иосифовна всегда рассказывала подобные истории как живые, такими они и оставались в памяти.

Вот таким плетением связей, судеб и событий движется повествование этой необычной книги. Так происходят встречи и разлуки Марии Белкиной с главными героями — Мариной Цветаевой, Георгием Эфроном (Муром) и Ариадной Эфрон.

Темная сталинская эпоха была особенно богата на совпадения и скрещения, которые, как волны, то прибывали, то отбрасывали людей друг от друга. Мария Белкина рано научилась чувствовать и понимать внутренний язык событий, тайный смысл пересечений, свершающихся в ее судьбе.

«Скрещение судеб» — это не мемуары и не роман из жизни Цветаевой, не исследование и не документальное повествование — это яркий и очень личный рассказ Белкиной о своем времени, о попытке Марины Ивановны, ее семьи и детей выжить в невозможных обстоятельствах. Его отличает не только исповедальной тон, но, что важно в этой книге, — на читателя

не давит авторитет мемуариста, который порой склонен кого-то награждать восторженными отзывами, а кому-то давать резкие оценки.

Такой рассказ получился в результате ее сложного пути к «Скрещению судеб». Мария Белкина долго не решалась писать о Цветаевой. Сначала надеялась, что это сделает ее муж — Анатолий Тарасенков, но он умер в 1956 году. Была уверена, что книгу напишет Ариадна Эфрон, но ее воспоминания о матери заканчивались отъездом в эмиграцию, то есть 1922 годом. Мария Белкина еще долго оглядывалась, ожидая достойнейшего.

В середине семидесятых книга стала складываться не только из ее собственных воспоминаний, но из записей «уходящей натуры», сохранившихся писем и архивов. День за днем Мария Иосифовна обходила свидетелей последних двух лет жизни Цветаевой в Москве и тех, кто знал ее еще в двадцатые годы. В самом начале работы ей очень хотелось уйти, исчезнуть из повествования, чтобы ее, как автора, вовсе не было видно, — слишком несоизмеримым казался ей собственный и цветаевский масштаб. Но в какой-то момент она ясно почувствовала, что тогда этот текст лишится чего-то очень существенного, поняла, что сможет дать читателю полную картину происходящего только через собственное свидетельство, сквозь свою личную историю.

Перед самым своим уходом Мария Иосифовна поняла, что не успела написать о собственной жизни. Но кое-что успела рассказать. Родилась она в Екатеринбурге в 1912 году. Ее отец был художник-оформитель, живущий на заказы; он оформлял дома культуры, дворцы труда. Когда-то, до Первой мировой войны, помогал расписывать в Санкт-Петербурге особняк Кшесинской. Он глубоко презирал большевиков и считал, что их власть вот-вот кончится. У него было убеждение, что советская школа испортит девочку. Марию Белкину учила на дому очень хорошая женщина, народоволка, которая ушла из дома отца, коменданта Московского Кремля, и пошла в учительницы по убеждению. Но со временем отец вынужден был просить учительницу устроить Машу в школу, сразу в старший класс, поэтому мимо нее прошла пионерская и комсомоль-

ская организации, она не ходила на собрания, не интересовалась общественной жизнью. Мария Иосифовна всегда подчеркивала, что долго не знала, что такое страх. У нее сформировался сильный характер и здравый взгляд на вещи, что в эти годы было огромной редкостью.

Голубые, глубоко посаженные глаза, длинная белая коса — когда она познакомилась с Тарасенковым, ее красота была абсолютно несовременной. Все находили в ней сходство с актрисой, игравшей Дуню в немом фильме «Станционный смотритель». Во дворе писательского клуба в конце тридцатых годов находился теннисный корт, она решила заниматься теннисом. Константин Симонов, ее товарищ по Литинституту, к которому она обратилась за помощью, сказал ей, что для начальных занятий теннисом он слишком сильный партнер, ей нужен кто-то из начинающих. Он показал на Тарасенкова и представил их друг другу. Так они и познакомились. Потом пошли гулять по Москве. Он читал ей наизусть множество стихов, и больше всего — Пастернака. Мария Иосифовна хорошо знала классику XIX века, а тут на нее обрушился поток другой, не известной ей, поэзии. Она была просто заморожена. Гуляли они всю ночь, а под утро возвращались через Дорогомиловскую заставу. Тарасенков повел ее к дому в Конюшковский переулок через дворы и сараи. Обитатели московских домиков, более напоминавших дачи, в теплые ночи стелили себе прямо во дворе; Тарасенков проводил ее через дыры в заборах, через огороды, они то перешагивали, то перепрыгивали через спящих и, наконец, вышли к ее дому. Мария Иосифовна удивлялась, как он знал Москву, ее тайные ходы и выходы; только потом открылось, что он несколько лет прожил беспризорником на улице. Через несколько дней он сделал ей предложение. Он был разведен и жил один в чердачной комнатке на Пятницкой улице, где помещались только стол и койка, а из окна был выход на крышу. Тарасенков любил открыть окно, оставив крошки хлеба на крыше, и тогда десятки белых голубей подлетали к окну и заполняли его узкую комнатку. Когда Мария Иосифовна первый раз пришла к Тарасенкову в гости, ее поразила эта комнатка, полная белых птиц.

Она не сразу дала согласие выйти замуж, плохо представляя себя женой и матерью.

Но была зачарована тарасенковскими знаниями поэзии, его добрым и приветливым нравом. Она не знала его критических статей: социалистический реализм, о котором он писал, был ей абсолютно безразличен, как и всеобщее увлечение Маяковским. Они поселились в маленьком доме на Конюшках вместе с ее отцом и матерью. Именно туда Тарасенков принес всю свою огромную коллекцию поэзии начала XX века.

Конец лета, осень 1940 года, весна 1941-го прошли в доме Тарасенкова и Белкиной под знаком Цветаевой. Встречи, разговоры, прогулки. Но Тарасенков в это время учился на курсах военных корреспондентов, а ранней весной 1941 года его и Гроссмана командировали в Прибалтику писать об участниках боев с белофиннами. Тарасенков вернулся в Москву почти к самому началу войны. Мария Иосифовна эвакуировалась с сыном и родителями в Ташкент, но в начале 1942 года вернулась в Москву, а затем устроилась корреспонденткой в Совинформбюро. Дошла почти до Берлина. Участвовала в вылетах так называемых «ночных ведьм» — летчиц знаменитых «У-2».

После войны она стала совсем другой. От туберкулеза в 1946 году умер отец. Она увидела трагедию и унижения близких ей друзей во время кампании борьбы с космополитами. Ужасалась тому, как ее муж мечется между любовью к поэзии, в частности к Пастернаку, и необходимостью писать о нем разносные статьи. После ранней смерти мужа в 1956 году (ему было 46 лет!) ее жизнь началась с белого листа, она осталась главой маленькой семьи — с матерью и сыном, именно тогда окончательно оформился ее твердый характер и обостренное чувство справедливости. Она много ездила по стране, писала очерки, печаталась в «Новом мире» Твардовского. Исполнила мечту Тарасенкова и сделала на основе его собрания книг библиографический труд «Русские поэты XX века. 1900–1955». Но главное было впереди. Она помнила, что встреча с Цветаевой, может быть, самое важное, что случилось в ее жизни.

В предисловии она рассказывала: «Писалось “Скрещение судеб” в те годы, когда никакой надежды на то, что книга может быть издана в России, в тогдашнем СССР, не было, писа-

лось в стол. Это был конец семидесятых — восьмидесятые годы. Тогда произведения Солженицына, Сахарова ходили из рук в руки в самиздате или изданные за рубежом, и за чтение и хранение этих книг, да и за романы Набокова или за “Доктора Живаго” могли посадить и — сажали! Тогда шли процессы над инакомыслящими, их держали в тюрьмах, в психиатрических больницах, высылали из страны. Тогда, в восьмидесятых, мы все в отчаянии и страхе за Андрея Дмитриевича Сахарова, прильнув к радиоприемникам, ловили “голоса”, надеясь хоть что-то узнать, как он там, в ссылке в Горьком».

«Скрещение судеб» было опубликовано в 1988 году в издательстве «Книга». Успех был оглушительный. Сразу же появилось несколько пиратских изданий, бороться с которыми Белкина не стала. Книга многократно переиздавалась. Началось ее шествие по миру. Она вышла на немецком языке во Франкфурте-на-Майне двумя изданиями, на французском в Париже. Была переведена в Польше, Италии. Раскрывались архивы, и приходилось дописывать все новые и новые главы. К счастью, Марии Иосифовне была дарована длинная жизнь — 96 лет. Она даже успела доработать издание после 2000 года, когда стали открыты архивы Цветаевой в ЦГАЛИ. Сегодня мы держим в руках окончательный текст книги, которую Мария Белкина подготовила в 2007 году, но увидеть уже не смогла. Она ушла из жизни в январе 2008 года. Ее книга осталась одним из самых лучших памятников Марине Цветаевой и ее семье.

Наталья Громова
2017

ОТ АВТОРА

Судьбе угодно было распорядиться так, что Цветаева трижды прошла через мою жизнь. Первый раз — ее стихи, она сама, живая, сушая во плоти. Это было в 1940—1941 годах. Потом минуло много лет, и в 1955-м, в начале сентября, вернувшись из Туруханской ссылки, порог нашего дома — уже не в Конюшках, где бывала Марина Ивановна, а в Лаврушинском — переступила Аля, Ариадна Сергеевна Эфрон, дочь Цветаевой. И ожила Марина Ивановна в разговорах с Алей, в ее рассказах, в наших воспоминаниях о тех уже минувших днях, когда мы с моим мужем Тарасенковым встречались с Цветаевой и ее сыном.

И снова шли годы, шла жизнь, и непосредственность и острота этой второй встречи с Мариной Ивановной таяли и уходили туда, в далекое вчера, которое неумолимо становилось историей.

Аля, Ариадна Эфрон, блестящий литератор, художница, посвятила оставшиеся годы своей жизни всецело наследию матери. Она была одержима стремлением открыть Цветаеву российскому читателю, который в те годы и имени этого еще не слышал! Сделать достоянием всех то, что было известно лишь узкому кругу любителей поэзии, да и то главным образом в списках. Подобное по тем временам пред-

ставлялось почти немислимым — биография поэта, творчество выпадали из дозволенного... Но «с чисто цветаевским упорством», — как говорила потом Ариадна, — преодолевая все препятствия, чинимые на ее пути партчиновниками от литературы и цензорами всех мастей и рангов, стихи и проза Марины Ивановны начинали пробиваться в советскую печать. В 1961 году была, наконец, издана — с третьей попытки, истонченная до предела, — книжечка ее стихов, а в 1965-м, в большой серии «Библиотеки поэта», — том стихов. Это была уже сенсация! Потом «Мой Пушкин», потом «Просто сердце», потом... Но до тех дней, когда Цветаева завладеет миллионами сердец, когда станет одним из самых читаемых поэтов в стране, — Аля не доживет. Правда, это будет уже совсем иная Россия. А в той, советской России, в СССР, сколько душевных сил потратит она, сколько унижений и обид стерпит, *открывая* Цветаеву! Она еще успеет оставить нам прекрасные воспоминания о матери. В 1975 году жизнь ее оборвалась...

И тогда я стала составлять ее посмертный сборник (он будет издан только в 1989 году!), решив включить в него и ее письма, которые сами по себе являются литературными произведениями. Мне пришлось прочитать сотни ее писем к друзьям и знакомым, а они были и моими друзьями и знакомыми. А затем мне была предоставлена возможность познакомиться с архивом покойной сестры мужа Цветаевой Елизаветы Яковлевны Эфрон, и еще я помогала разбирать архив самой Али.

И волею случая или волею неизбежной закономерности произошло так, что Марина Ивановна встала на моем жизненном пути в третий раз. Теперь уже в своих письмах, в письмах Али, Мура, в письмах мужа своего Сергея Яковлевича, с которым мне так и не довелось встретиться; в фотографиях, в документах. А потом я вспомнила и о ящиках письменного стола Тарасенкова, которые не были разобраны до конца, и о своих давних и забытых записях, которые я вела от случая к случаю, просто так, не помышляя о том, что стану когда-либо писать о Цветаевой. Да и теперь еще не помышляла, но по странному стечению обстоятельств в те годы после смерти Али ко мне

с какой-то неукротимостью стали стекаться все новые и новые сведения о жизни Марины Ивановны, о жизни Али и Мура. И самым неожиданным образом я вдруг сталкивалась с людьми, которые, как и я когда-то, встречались с Мариной Ивановной, и разговор сам собой заходил о ней. И я, поначалу не стремясь к этому и занятая другой работой, стала замечать, что хочу я этого или не хочу, — но я уже вовлеклась. Словом, третья встреча с Цветаевой затянулась...

Марина Ивановна когда-то сказала: «Писать обо мне по существу — *не отчаялся* бы только немец». Но я *не отчаялась!* (Хотя и не немец.) Хотя долго сопротивлялась и не хотела писать эту книгу, понимая, сколь сложна работа и какую ответственность я беру на себя. Но выхода не было — мне так много было уже известно доподлинного, а вокруг в те годы столько говорилось и столько появлялось в печати за рубежом всякой небыли о Марине Ивановне и о ее семье, что я не имела права, не смела все то, что знала, унести в небытие. И это «знаю» тяжелым грузом давило на меня и не давало спокойно жить, и единственной возможностью было избавиться от этого груза, сбросить его с плеч — рассказав! И потом еще я начала убеждаться, что, в силу многих обстоятельств, есть нечто, о чем могу поведать только я, и никто другой...

Книга задумана как триптих — «Марина Ивановна», «Мур», «Алины университеты» — и представляет единое, неделимое целое. Это документальное повествование, в нем нет места выдумке и литературным прикрасам. Я старалась быть предельно точной и объективной, насколько, конечно, вообще можно быть объективным, ибо любой документ объективен только пока он мертв, пока к нему не прикоснулась живая рука. А то, что хранила моя память и мои записи, я старалась перепроверить и уточнить. Но говоря о последних годах, проведенных Мариной Ивановной в Советской России, я не могла не говорить и о всем ее, таком трагическом, жизненном пути...

Главное в жизни Марины Ивановны было творчество, стихи, но стихи рождались от столкновения ее с людьми, а людей и отношения с людьми она творила, как стихи, за что жизнь ей жестоко мстила... Писать о Марине Ивановне,